

УПРАВЛЕНИЕ ПРОГРАММАМИ ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

Динара ДЖАКУПОВА* докторант 2 курса Карагандинского университета Казпотребсоюза,
г. Караганда, Республика Казахстан, dinara_jakupova@mail.ru

<https://doi.org/10.52123/1994-2370-2021-76-1-58>

УДК 334.021

МРНТИ 06.56.51

Аннотация. В статье представлен краткий обзор оценок эффективности управления зарубежными и российских исследователей; рассмотрены методология SIA (Social Impact Assessment) – оценка социальных последствий при реализации развития, методики оценки проектов и программ (Глобальный индекс развития молодежи и Глобальный индекс благосостояния молодежи). Описан опыт Казахстана (индикаторы YDI и YWI); проанализирован опыт зарубежных стран и стран ЕАЭС.

Обосновано, что существующая проблема в области государственного управления программами по молодежной политике заключается в отсутствии определенных критериев и показателей эффективности должным образом не регламентированных и не закрепленных на законодательном уровне в Казахстане и других странах СНГ/ЕАЭС.

В связи с этим, рекомендовано определить конкретные индикаторы для эффективности реализации государственной молодежной политики в РК; апробировать их по результатам деятельности конкретного региона РК для выработки рекомендаций по повышению управляемости молодежными программами.

Ключевые слова: эффективность, молодежная политика, оценка, государственные программы, результативность, молодежь, управление.

JEL коды: O15, H11, H49

Андатпа. Мақалада шетелдік және ресейлік зерттеушілердің басқару тиімділігін бағалауға қысқаша шолу берілген; SIA (Social Impact Assessment) әдіснамасы – дамуды жүзеге асырудағы әлеуметтік салдарды бағалау, жобалар мен бағдарламаларды бағалау әдістері (жастардың жаһандық даму индексі және жастардың жаһандық әл-ауқат индексі) қарастырылған. Қазақстанның тәжірибесі сипатталған (YDI және YWI индикаторлары); шет елдер мен ЕАЭО елдерінің тәжірибесі талданды.

Жастар саясаты жөніндегі бағдарламаларды мемлекеттік басқару саласындағы қазіргі проблема Қазақстанда және ТМД/ЕАЭО басқа елдерінде тиісті түрде регламенттелмеген және заңнамалық деңгейде бекітілмеген белгілі бір өлшемшарттар мен тиімділік көрсеткіштерінің болмауы болып табылады.

Осыған байланысты, ҚР Мемлекеттік жастар саясатын іске асырудың тиімділігі үшін нақты индикаторларды анықтау; жастар бағдарламаларын басқаруды арттыру бойынша ұсынымдар әзірлеу үшін оларды ҚР нақты өңірі қызметінің нәтижелері бойынша апробациялау ұсынылды.

Түйін сөздер: тиімділік, жастар саясаты, бағалау, мемлекеттік бағдарламалар, жұмыс, жастар, басқару.

JEL кодтар: O15, H11, H49

Abstract. The article presents a brief overview of management effectiveness assessments by foreign and Russian researchers; the methodology of SIA (Social Impact Assessment) – assessment of social consequences in the implementation of development, methods of evaluating projects and programs (Global Youth Development Index and Global Youth Welfare Index). The experience of Kazakhstan (YDI and YWI indicators) is described; the experience of foreign countries and the EAEU countries is analyzed.

It is proved that the existing problem in the field of public administration of youth policy programs is the lack of certain criteria and performance indicators that are not properly regulated and not fixed at the legislative level in Kazakhstan and other CIS/EAEU countries.

In this regard, it is recommended to identify specific indicators for the effectiveness of the implementation of the state youth policy in the Republic of Kazakhstan; to test them based on the results of the activities of a particular region of the Republic of Kazakhstan to develop recommendations for improving the manageability of youth programs.

Keywords: efficiency, youth policy, assessment, government programs, performance, youth, governance.

JEL codes: O15, H11, H49

Введение

Одной из существенных проблем в области государственного управления программами по молодежной политике - отсутствие стандартизированной методологии для поддержки успешной

реализации целевой программы на протяжении всего ее жизненного цикла. Во всем мире базой для оценки молодежной политики чаще всего выступают данные официальной статистики, глобальные индексы,

* Автор для корреспонденции: Д. Джакупова, dinara_jakupova@mail.ru

социологические опросы (онлайн-опросы, индивидуальные опросы, телефонные опросы), интервью, форумы, «круглые столы» и научные конференции. Обычно для оценки эффективности молодежной политики применяется комплексный подход, включающий в себя разные методы. На практике часто возникают вопросы управления оценки результативности множества крупных сложных и динамичных проектов, различающихся по размеру, требуемым навыкам и срочности. Системный подход к оценке эффективности молодежной политики предполагает опору на утвержденную систему критериев (показателей) эффективности молодежной политики. Проблема в том, что система таких критериев и показателей должным образом не регламентирована и не закреплена на законодательном уровне в Казахстане и других странах СНГ/ЕАЭС, она до сих пор находится на стадии «эксперимента». Вопрос системной оценки эффективности молодежной политики остается проблемой для государственных и местных органов управления.

Целью данного исследования является анализ существующих в мире систем направлений, критериев и индикаторов для оценки эффективности реализации молодежной политики

Для написания статьи использованы результаты анализа зарубежных и отечественных ученых по исследуемой проблеме, а именно методологии и методики оценки программ; индикаторы и методы оценки эффективности молодежной политики; В работе использованы общенаучные методы: анализа и синтез, сравнение и обобщение, дедукция и индукция, научная абстракция и конкретизация.

Обзор оценок эффективности управления

В англоязычной литературе существует множество определений термина «оценка». Например, Rossi и Freeman «... системное использование процедур социологического исследования для оценки концепции, дизайна, реализации и полезности программ» (Rossi, Freeman, 1993).

В литературе существует также

множество типов оценок, включая программную и проектную оценку, формирующую и заключительную, заключительную и впечатляющую оценку. Итоговая оценка, осуществляемая в завершении проекта, является одним из важнейших инструментов, определяющих достижение намеченных целей и результатов проекта.

Первые исследования измерения производительности использовали более узкое определение, основанное на непосредственно контролируемых эффектах, таких как изменение политики или принятие новой программы, например, Leviton и Hughes предполагают, что инструментальное использование будет уместным, когда реализующие программы думают или действуют по разному (Leviton, Hughes, 1981). Mark и Henri предположили, что оценки тесно связаны с программами, политикой и типами практики, которые влияют на жизнь людей (Mark, Henry, 2004). Kirkhart считает, что эффект оценки включает в себя как изменения, происходящие в месте нахождения оценки и в целом во времени, так и изменения, происходящие в другом месте, а затем описывает три аспекта, связанных с оценочным эффектом: источник, время и намерение (Kirkhart, 2000).

Таким образом, воздействие может включать инструментальное и концептуальное использование, воспитание и воздействие на отношения и действия.

Российские исследователи считают, что анализ и оценка эффективности управления реализацией государственных программ могут быть основаны на различных теориях и подходах, которые условно делятся на два типа: анализ самого процесса и ситуаций, в которых выводится результат. В первом случае оценивается соответствие запланированного и фактически осуществленного процесса. Во втором случае целью анализа является установление причинно-следственной связи между элементами процесса реализации программы и контролируемыми и измеримыми результатами (Коваленко, 2009).

В зарубежной научно-исследовательской практике накоплен большой опыт по измерению социальной эффективности в рамках прогнозной оценки социальных последствий экономических и социальных программ научно-технических проектов, различных направлений и форм.

Методология SIA

В США, в 70-е годы XX века была создана сеть независимых исследований в области оценки социального воздействия (SIA-Social Impact Assessment), или, точнее, социальных последствий при реализации различных проектов и программ развития (*Aiello, 1988*).

Оценка социального воздействия SIA включает в себя процессы анализа, контроля и управления позитивным и негативным влиянием планируемых интервенций (политики, программы, планы, проекты) и любых процессов социальных изменений, вызванных этими вмешательствами. Его главная цель – создание устойчивой и сбалансированной биофизической среды, а также среды обитания человека.

Цель оценки воздействия – создание устойчивых и равных условий в экологическом, социокультурном и экономическом отношении. Таким образом, оценка воздействия способствует развитию и расширению возможностей сообществ, повышению потенциала и развитию социального капитала (социальные сети и доверие).

Ориентация SIA направлена не только на выявление и устранение негативных или неожиданных результатов, но и на активную позицию в отношении развития и улучшения результатов разработки. Кроме того, помощь сообществам и другим заинтересованным сторонам в постановке целей развития и обеспечении максимальных положительных результатов может быть более важной, чем снижение ущерба от негативных последствий.

Методология SIA может применяться в широком диапазоне запланированных интервенций и может осуществляться только от имени многих заинтересованных сторон, а не в рамках

нормативного правового акта.

SIA вносит вклад в адаптивное управление политикой, программами, планами и проектами, поэтому необходимо информировать о разработке и реализации запланированных интервенций. SIA опирается на местные знания и использует процессы участия для анализа проблем заинтересованных и пострадавших сторон. Он принимает участие в оценке социального воздействия заинтересованных сторон, анализе альтернатив и контроле запланированных мероприятий.

Практика SIA признает, что социальные, экономические и биофизические эффекты находятся в неразрывной связи. Изменение любого из этих доменов приведет к изменению других доменов.

Поэтому SIA должна развивать представление о способах воздействия, которые могут возникнуть, когда изменение одного домена может повлиять на другие домены, а также вызвать повторяющиеся или другие последствия в каждом домене. Другими словами, необходимо учитывать эффекты второго и более высокого порядка и кумулятивные эффекты.

Методики оценки программ

До сих пор не существует общепринятого определения показателей и критериев социальной политики, хотя они необходимы для определения социального статуса молодежи населения в целом, оценки эффективности усилий по улучшению здоровья, необходимых для выявления тенденций его развития: материальная поддержка, образование, воспитание и многое другое.

Некоторые социальные программы измеряются непосредственно (например, преступность, наркомания, здоровье и т. д.) и выбор показателей и количественных критериев, определяющих эффективность принимаемых мер, не является проблемой. С другой стороны, существуют социальные процессы (нравственное развитие, патриотизм, тревожность и т.д.). Эффективность усилий в этой сфере невозможно измерить, приходится прибегать к

косвенным определениям и критериям.

В научной литературе представлены различные индикаторы и методы оценки эффективности управления программами молодежной политики.

Так, К. И. Фальковская разработала показатели эффективности социальной работы с молодежью (*Фальковская, 2004*):

1) обеспечение положительной динамики в решении социальных проблем различных категорий молодежи;

2) достижение позитивных изменений в развитии органов управления и системы социальных услуг для работы с молодежью в различных сегментах социальной сферы: социальная защита, образование, здравоохранение, занятость, миграция и другие;

3) полнота удовлетворения социальных потребностей различных категорий молодежи;

4) своевременное удовлетворение социальных потребностей различных категорий молодежи.

Большая часть исследований по делам молодежи и молодежной политике базируется на демографической статистике, что позволяет выявить демографические тенденции страны (региона); провести оценку и перспективы по демографии молодежи: общая численность, отношение к взрослому населению, возрастным группам; динамика роста молодого населения: мужчины и женщины, городская и сельская молодежь; расовое распространение, этнические меньшинства, переселенцы, беженцы, другие местные группы, рабочая молодежь, фермеры, студенты высших учебных заведений, студенты школьных заведений, интеллигенция, государственные служащие и другие категории молодежи.

Существует множество зарубежных исследований, посвященных методике оценки программ наставничества для молодежи. Эти программы фокусируются на молодых людях, которые считаются подверженными риску из-за индивидуальных и/или экологических условий. Другие конкретные группы

включают молодых людей из неполных семей и принадлежащих к группам расовых или этнических меньшинств. Некоторые программы ориентированы на молодежь разного возраста и уровня развития. В связи с этим к возможным источникам влияния на результаты относятся оптимальные сроки наставничества как профилактического вмешательства, а также практические вопросы, связанные с реализацией этих программ (например, склонность молодежи к наставничеству на различных этапах развития).

Глобальный индекс развития молодежи (YDI) на международном уровне (разработанный при поддержке Организации Содружества Наций) призван помочь правительствам сформировать конкретную молодежную политику, разработать и оценить программы по улучшению положения молодежи. Это индикатор, оценивающий потенциал развития молодежи в возрасте от 15 до 29 лет.

YDI рассчитывается по пяти основным направлениям: уровень образования, здоровье и благосостояние, занятость и возможности, гражданское и политическое участие. Эти направления включают 18 индикаторов (включая новые индикаторы: «цифровое поколение», «уровень психического здоровья» и «коэффициент рождаемости подростков»).

Странам, участвовавшим в опросе, был присвоен YDI (от 0 до 1), 1 из которых является самым высоким достижением в развитии молодежи. Этот показатель позволяет пользователям отслеживать и измерять развитие и опыт молодежи во всем мире.

Эта балльная система аналогична системе, основанной на индексе развития человека (ИЧР), полученном из индекса развития человека 2013 г., подготовленного офисом программы развития человечества – программы развития Организации Объединенных Наций (*Mark, Henry, 2004*).

Учитывая 18 показателей, YDI определяет страны с наилучшими показателями и одновременно служит сигналом для стран с самыми низкими показателями. Поскольку YDI

рассчитывается в 183 государствах, следует учитывать, что уровень развития молодежи в стране «очень высокий», «высокий», «средний» или «низкий», отражает положение страны в масштабе от «относительно хорошего до «относительно плохого».

Например, по состоянию на 2020 г., Германия, Дания, Австралия, Швейцария, Великобритания, Нидерланды, Австрия, Люксембург, Португалия и Япония вошли в топ-10 стран Содружества Великобритании YDI. Несмотря на некоторые успехи, развитие молодежи в Южной Африке к югу от Сахары является самым низким, за ним следуют Южная Азия, Ближний Восток и Северная Африка.

В мире YDI – это далеко не единственный глобальный индекс, по которому правительства оценивают эффективность управления Национальной молодежной политикой. Создается также «Глобальный индекс благосостояния молодежи» (YWI), рассчитанный по шести направлениям и включающий 40 субиндексов (32 объективных и восемь субъективных). YWI отражает благосостояние молодежи

по таким критериям, как гражданское участие, экономические возможности, образование, здравоохранение, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), безопасность.

Индикаторы YDI и YWI в основном коррелируют друг с другом, но проблема в том, что не все страны включают эти показатели в государственные программы, они постоянно не отслеживают проблемы молодежи, а тем более оценивают эффективность молодежной политики.

Опыт Казахстана

Впервые для Казахстана в 2013 г. был вычислен Индекс развития молодежи (YDI), страна заняла 27-е место из 170 стран, их общая оценка составила 0,741, что выше, чем у стран с высокими доходами, таких как Россия, Турция и Швеция.

Согласно индексу благополучия молодежи Казахстана (YWI) расчеты проводились по специальной методике, в результате чего был получен результат 0,59 (из 1,00) (Рисунок 1), что соответствовало примерно 10-му месту из 30 стран-участниц традиционного рейтинга.

Рисунок 1 – Составляющие индекса благополучия молодежи Казахстана

Разработка национальной методики оценки эффективности молодежной политики в Казахстане началась в 2015–2016 гг. на базе Научно-исследовательского центра «Молодежь» (The Human Development Report Office,

2020). При поддержке Департамента молодежной политики Министерства образования и науки Республики Казахстан и при участии Конгресса молодежи Казахстана реализован пилотный проект на республиканском

уровне, целью которого стало обеспечение системности в деятельности всех институтов молодежной политики, повышение эффективности ее реализации во всех городах и регионах страны. В рамках пилотного проекта разработана и апробирована система индикаторов оценки молодежной политики на местном уровне. Впоследствии эта система показателей была доработана как индекс благосостояния молодежи «Жастар мейірімді мекен» (*Youth Progress Index 2017, 2020*); уполномоченными органами совместно с гражданскими активистами проведена соответствующая организационная, информационно-разъяснительная и методическая работа.

Методика «Молодежный добрый адрес» основана на опросах среди молодежи 14–28 лет по следующим направлениям: занятость; благосостояние; здоровье; спорт; образование; благосостояние; удовлетворенность; безопасность; гражданские отношения; досуг.

С тех пор в оценке молодежной политики в Казахстане произошли небольшие изменения. Отмечая общий позитивный вектор аналитического осмысления состояния молодежи и перспектив повышения ее участия в социально-экономических процессах общества, следует обратить внимание на отсутствие прозрачности результатов оценки для общества. Например, «Индекс благосостояния молодежи «zhastarga meiiirimdi meken» - информация о нем не размещена на каком-нибудь правительственном веб-сайте, в том числе на политических сайтах Министерства образования и науки Республики Казахстан и научно-исследовательского центра «Молодежь».

Зарубежный опыт

В мире также имеются Европейский молодежный форум, Deloitte Touche Tohmatsu Limited (Deloitte), Международный институт демократии и содействия выборам (International IDEA), индекс молодежного прогресса (YPI), являющийся совместной инициативой ОБСЕ. Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ).

YPI – одно из первых понятий, измеряющих качество жизни молодежи

независимо от экономических показателей. Круг исследований построен на основе трех критериев (основные потребности человека, основы благосостояния и возможности) и включает 12 компонентов и 60 различных показателей. Расчет этого индекса выполняется для 102 стран полностью, еще для 52 стран частично.

В целом индекс молодежного прогресса имеет положительную связь с экономическими показателями (ВВП на душу населения). При низком уровне ВВП на душу населения (0–10 тыс. долларов) незначительный рост ВВП связан с большим ростом индекса молодежного прогресса. Тем не менее, ВВП выше 10 тыс. долларов будет иметь меньшее значение для продвижения молодежи.

Норвегия занимает первое место среди 102 стран по YPI. В Европейском Союзе 26 из 28 стран-членов ЕС полностью измеряют YPI (частично анализируются Люксембург и Мальта). Первые 41 позицию занимают 26 стран ЕС. Страны ЕС работают более целенаправленно по сравнению с другими странами в мире. Это особенно верно для питания и основного компонента здравоохранения, где разница между лучшими и худшими участниками ЕС незначительна. Однако для компонента «личная свобода и выбор» этот разрыв намного выше. Существует положительная связь между участием молодежи в организациях гражданского общества и результатами измерения возможностей. Это свидетельствует о фундаментальной значимости стимулирования активной гражданской позиции среди молодежи (*Youth Progress Index 2017, 2020*).

Среди стран ЕАЭС Армения занимает самую высокую позицию по индексу молодежного прогресса (45 место; 65,67 балла); Беларусь имеет 51 позицию (63,89 балла); Кыргызстан занимает 58 место (62,37 балла); Казахстан – 63 место с 60,88 балла; Россия – 65 место (60,84 балла) (*Youth Progress Index 2020, 2020*).

Эти индексы не ограничиваются измерением эффективности молодежной политики. Согласно последнему отчету Международной организации труда

(MOT), «Глобальные тенденции занятости молодежи: технологии и перспективы рабочих мест» (GET Youth 2020) (*Global Youth Development Index, 2020*), молодежь столкнулась с неопределенным будущим на рынке труда благодаря автоматизации, узкой направленности профессионального обучения и нехватке рабочих мест, соответствующих их квалификации.

Отчет GET Youth 2020 выявил, что число молодых людей, которые в настоящее время не работают, не учатся или не проходят профессиональную подготовку (NEET), в мире растет, и молодые женщины более чем в два раза чаще подвергаются воздействию негативных факторов, чем их коллеги-мужчины. Начиная с предыдущего отчета GET Youth в 2017 году, наметилась тенденция к повышению актуальности

категории NEET. В 2016 году 259 миллионов молодых людей были классифицированы как NEET, что, по оценкам, выросло до 267 миллионов в 2019 году и, по прогнозам, продолжит расти до 273 миллионов в 2021 году. В процентном отношении тенденция также возрастает - с 21,7% в 2015 году до 22,4% в 2020 году. Эти тенденции означают, что цель, поставленная международным сообществом по существенному снижению числа NEET к 2020 году, не будет выполнена.

Если анализировать тенденции категории NEET (англ. Not in Education, Employment or Training) в Европе и Центральной Азии (ЕЦА), можно видеть (Таблица 1), что в 2020 году их численность прогнозируется на уровне 14,6%, это значительно ниже, чем глобальный показатель.

Таблица 1 – Использование молодежной рабочей силы

	2012	2018	2019	2020	2021
NEET					
Мир	21.6	21.9	22.2	22.3	22.5
ЕЦА	15.8	14.3	14.5	14.6	14.9
Уровень молодежной безработицы					
Мир	13.4	13.5	13.6	13.7	13.8
ЕЦА	19.1	15.6	15.7	15.5	15.7
Неполное использование рабочей силы					
Мир	19.6	20.1	20.2	20.4	20.5
ЕЦА	26.1	22.4	22.4	22.3	22.6

Примечание: составлено по данным Global Youth Development Index, 2020

Безработица среди молодежи, в отличие от NEET, значительно выше в ЕЦА по сравнению со всем миром, хотя в период с 2012 по 2020 гг. прогресс в безработице среди молодежи в регионе был значительным.

Индекс безработицы относительно высок в ЕЦА, составив в 2020 г. 22,3%, что на два процентных пункта выше среднемирового уровня 20,4%.

Индикаторы и методы оценки эффективности молодежной политики

Наряду с глобальными индикаторами оценки ГМП (государственная молодежная политика), в настоящее время многие страны разрабатывают собственные индикаторы и методы оценки эффективности молодежной политики. Европейский молодежный форум предлагает использовать 11 индикаторов

Национальной молодежной политики. Эти показатели должны восприниматься как инструмент государственных служащих в молодежной сфере, а также как инструмент лоббирования интересов молодежи неправительственными организациями (НПО), поддерживающими более активную молодежную политику (*Dendena, Corsi, 2015*).

1 индикатор «Неформальное образование». Несмотря на то, что важно сосредоточиться на положении молодежи в формальных школах и университетах через официальную образовательную политику, важно, чтобы молодежь стала активными гражданами и внесла положительный вклад в общество. Это означает более широкую перспективу и акцент на неформальное образование – образование за

пределами формальной системы образования.

2 индикатор «Образовательная политика молодежи». Правительство должно способствовать развитию хороших тренеров, чтобы они могли стать мультипликаторами в повышении осведомленности молодежных тренеров по различным вопросам. Политика обучения – предпосылка улучшения структуры неправительственного сектора.

3 индикатор «Молодежное законодательство». Должно быть молодежное законодательство, соответствующее другим критериям молодежной политики. Такое законодательство должно признать участие молодежи и молодежных НПО в принятии политических решений и создать правовую основу для эффективной работы правительства с молодежью.

4 индикатор «Молодежный бюджет». Правительство должно предоставить молодежным НПО административные гранты, чтобы они могли управлять секретариатом и иным образом выполнять обязанности, установленные законом.

5 индикатор «Информационная политика молодежи». Молодежная информационная стратегия должна обеспечивать прозрачность государственной политики в отношении молодежи, информировать молодежь об имеющихся возможностях.

6 индикатор «Многоуровневая политика». Национальная молодежная политика должна включать шаги и политику, принимаемые не только на национальном уровне, но и на всех уровнях власти, в том числе на местном уровне.

7 индикатор «Молодежные исследования». Молодежная политика должна основываться на исследованиях молодежи. Политика не должна основываться на прогнозах, они должны быть конкретными и основываться на исследованиях молодежи для решения проблем, связанных с благосостоянием и статусом молодежи.

8 индикатор «Участие». Молодежная политика должна учитывать, как привлечь молодежь к

процессам принятия решений. На протяжении более 30 лет европейские молодежные организации оказывали сильное влияние на программы и мероприятия в молодежном секторе в Совете Европы по принципу «совместного управления». Молодежные организации всех уровней активно участвуют в консультационном процессе, который проходил перед Белой книгой ЕС о молодежной политике.

9 индикатор «Межведомственное сотрудничество». Динамичная и комплексная молодежная политика должна учитывать многообразные потребности молодежи во всех сферах жизни общества. Необходим межсекторальный подход в развитии молодежной политики. Это означает, что это должна быть совместная ответственность, которая зависит от совместного сотрудничества министерств и ведомств.

10 индикатор «Инновация». Молодежная политика должна развивать инновации и стимулировать молодежь быть креативной и новаторской.

11 индикатор «Консультативные органы для молодежи». С одной стороны, для обеспечения партнерства между правительством и молодежными НПО должна быть создана специальная структура (например, консультативный комитет), должны предоставляться консультации и оказываться влияние на правительство в вопросах, связанных с молодежью.

Расширяется взгляд на то, что эффективность государственной политики отражает высокую общественную уверенность в государстве. Общественное мнение может не только облегчать, усложнять, а при возможности и отменять проведение реформ, но и является одним из важнейших индикаторов того, насколько хорошо осуществляются преобразования. В данном случае доверие – это определенная форма реализации надежд жителей региона на улучшение общественно-политической и социальной ситуации (Калиев, Ашимханова, 2018).

В связи с этим, в настоящее время в мире широко распространены социологические опросы, позволяющие

отслеживать общественное мнение, жизненные ценности и проблемы молодежи, оценивать значимость конкретных направлений молодежной политики, ее эффективность. В качестве примера можно привести данные опроса об отношении россиян к вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь страны. Как показали результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2019 г., для большинства респондентов важна государственная забота о молодежных общественных организациях (89%). Однако одна часть респондентов поддерживает полный государственный контроль над такими организациями (42%), а другая (47%) возлагает на государство роль наставника, который стимулирует развитие организации, но не вмешивается в ее работу. 37% респондентов считают, что молодежные общественные организации работают формально, «ради шоу» и не оказывают реальной поддержки своим участникам. Эта точка зрения наиболее распространена среди мужской аудитории (43%) и в группе респондентов в возрасте от 25 до 34 лет (44%) (*Молодёжный активизм = общественная польза?*, 2020).

В Казахстане, как и в других странах ЕАЭС, социологические опросы проводят государственные, коммерческие и общественные организации, в том числе зарубежные. Например, известны совместные исследования «Shell Youth Study», организуемые представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Казахстане и ОФ «Институт «Общественное мнение». Согласно исследованию, проведенному в 2016 г., наибольший приоритет среди жизненных целей казахстанской молодежи имеют: «Быть преданным (в отношении партнера, друзей, работодателя)» – 87%; «Принимать здоровую пищу» – 79%; «Быть независимым» – 76,5%; «Хорошо выглядеть» – 76,1%; «Состоять в браке» – 75,9%; «Получить высшее образование» – 72,9%; «Брать на себя ответственность» – 72%. Было также установлено, что 35,6% молодых людей рассчитывают «легко найти работу», а

30,8% убеждены, что «едва ли найдут работу». Планируют получать образование за рубежом 47,6% и только 24,8% планируют учиться дома (*Чем живёт сегодня молодёжь Казахстана, 2016*).

Т.Б. Калиев и Д.Э. Ашимханова включили в инструментарий своего социологического исследования в 2018 г. следующий вопрос: «Что для Вас имеет наибольшую ценность в жизни?». Наибольшее количество респондентов выбрало вариант «Семья» (82,4%). На втором месте стоит вариант «Здоровье» (57,5%). Далее идут «Дружба» (32%), «Материально обеспеченная жизнь» (15,8%), «Любовь» (15,5%). В процессе опроса респонденты должны были выбрать из списка не более трех вариантов ответа (*Калиев, Ашимханова, 2018*).

В 2019 г. эксперты Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК при выявлении жизненных приоритетов молодежи получили уже несколько другие результаты: семья (86%); здоровье (59%); друзья (30%); будущее детей (18%); образование (13%); карьера (11%); материальное положение (10%); самореализация (3%) (*О чем тревоги и мечты: чем живет молодёжь Казахстана, 2020*).

С каждым годом растет востребованность занятий наукой и практикой сравнительных социологических исследований. Согласно социологическому опросу «Молодёжь в постсоветском пространстве: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации», эмпирической базой которого послужили проведенные по сопоставимой методике социологические опросы, проводившиеся в октябре 2017 – феврале 2018 гг. среди студентов ведущих вузов России и Республики Беларусь (выборка 2 100 респондентов), безусловным приоритетом для молодых образованных россиян является «Семья» (выбрали 73,7% респондентов), на втором месте «Саморазвитие» (53,7%), затем следуют «Дружба» (51,8%), «Здоровье» (49,2%) и «Любовь» (46,4%). В стандартном наборе ценных качеств значительным большинством и в России, и в

Белоруссии на первое место была выдвинута честность (в обоих случаях от 55 до 56% опрошенных) (Андреева, Лашук, 2019).

Н.П. Нарбут и И.В. Троцук провели исследование «Социальное благополучие молодежи в постсоциалистических странах: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)» ценностная сфера студенческой молодежи в странах, по многим причинам, неожиданно отличается схожими приоритетами. Например, современные студенты прагматично относятся к высшему образованию – как к билету во взрослую жизнь, а российские студенты довольны своим вузом, а чешские и казахские сверстники предпочитают другое учебное заведение, желательно за рубежом, но многие не ограничиваются степенью бакалавра. В соответствии с параметром стабильности связей между поколениями и опорой на семейные и родственные рамки, казахстанские студенты продемонстрировали «традиционализм»; чешские студенты часто признают, что у них нет друзей, и они воспринимают эту ситуацию как должное (Нарбут, Троцук, 2018).

Результаты молодежной политики часто становятся предметом дискуссий на научных конференциях и «круглых столах». В феврале 2019 г. в рамках «круглого стола» с участием Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан обсуждались следующие темы: «Поколение Независимости Казахстана: ценности и надежды», «Социологический портрет, ценности и взгляды казахстанской молодежи» (Названы волнующие казахстанскую молодежь ключевые проблемы, 2019). Спикеры подчеркнули, что основными проблемами молодого поколения являются недоступность образования, безработица, жилье. Большинство молодых людей обеспокоены качеством образования в школах и вузах. Кроме того, на сегодняшний день не во всех районах полностью реализованы молодежные программы. В качестве решения предложено провести мониторинг действующих

государственных программ и выработать ряд предложений по устранению недостатков.

В наши дни интерес исследователей все чаще касается изучения мнения молодых респондентов в контексте новой коронавирусной инфекции. Например, онлайн опрос казахстанцев: «Коронавирус в Казахстане», организованный в марте 2020 г. Институтом маркетинговых и социологических исследований «ELIM», в котором приняли участие 600 респондентов, в том числе 42,7% респондентов в возрасте от 26–35 лет, выявил, что большинство (76,5%) опрошенных, несмотря на принятые меры по введению карантина, оставались спокойны, продолжали жить, как и раньше. 16% респондентов ответили, что необходимо запастись продуктами питания, 5,2% решили искать альтернативные источники дохода. Несмотря на то, что большинство казахстанцев остаются доброжелательными друг к другу, приходя на помощь при необходимости (64,7%), четверть респондентов имеет осознанный страх перед коронавирусом (25,4%). По поводу введения режима чрезвычайного положения по поводу пандемии в Казахстане большинство респондентов одобрили принятые меры (63,8%). Однако 31,5% высказались против закрытия малого и среднего бизнеса. На вопрос «Что Вы предпринимаете в ситуации роста цен, чтобы сохранить прежний образ жизни?» 66% респондентов планировали сокращать свои расходы и экономить (Кожанов, Сыздыкова, Жагалбаева, 2019).

Интересные результаты получены также в 2020 г. (с марта по июнь) экспертами ВЦИОМ по опросу «Формирование тревог и страхов среди молодежи под влиянием пандемии и кризиса» (Формирование тревог и страхов среди молодежи под влиянием пандемии и кризиса, 2020). Выборка составила 1 600 респондентов в возрасте от 18 лет и старше в разных регионах России. Оказалось, что главный источник тревог российской молодежи – ситуация в стране: 65% молодых людей в возрасте 18–24 года оценили ее как «плохую», и в

мире, и в России. 44% респондентов данной возрастной группы полагают, что в СМИ и интернете преуменьшают опасность коронавируса, и ситуация хуже, чем они описывают.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что показатели и методы оценки самочувствия молодежи и результативности управления программами по молодежной политике весьма вариативны. Какой-то единой системы показателей пока не выработано. Однако некоторые из показателей (индикаторов) постоянно присутствуют в международных рейтингах и оценках стран ЕС (качество жизни молодежи, трудоустройство, здравоохранение, образование, политическое и гражданское участие, уровень поддержки «групп риска»). Поэтому необходимо в дальнейшем на основе этого анализа:

- определить конкретные индикаторы для эффективности реализации государственной молодежной политики в РК (процентное соотношение доли молодежи региона, охватываемой соответствующими программами рынка жилья, образования, трудоустройства для создания диапазона действительных социальных возможностей и спектра прозрачных и осуществимых способов социальных действий; доля молодежи, молодежных организаций, представленных в органах государственной власти, в особенности на региональном и местном уровне, так как положение молодежи заметно варьируется в различных регионах по разному);

- апробировать их по результатам деятельности конкретного региона РК для выработки рекомендаций по повышению управляемости молодежными программами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aiello, H.S. (1988). Assessment of a mentor program on self-concept and achievement variables of middle school underachievers. Doctoral dissertation, Virginia Polytechnic Institute and State University. *Dissertation Abstracts International*, № 49(07).
- Dendena, B., Corsi S. (2015). The Environmental and Social Impact Assessment: a further step towards an integrated assessment process. *Journal of Cleaner Production*. №108. P. 965–966;
- Indicators of a (National) Youth Policy (2020)*. https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/CoE_indicators.pdf
- Global Youth Development Index (2020)*. <http://youthdevelopmentindex.org/>
- Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs (2020)*. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_737648.pdf
- Global Employment Trends for Youth 2020: Europe and Central Asia (2020)*. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_737674.pdf
- Kirkhart, K.E. (2000). Reconceptualizing Evaluation Use. *An integrated theory of influence*, 88, P. 5-23.
- Leviton, L. C., Hughes, F. X. (1981) *Research on the utilization of evaluations: A review and synthesis*. Kluwer Academic Publishers, P. 525-548.
- Mark, M.M., Henry, G.T. (2004). *The Mechanisms and Outcomes of Evaluation Influence*. SAGE Publications, London, Thousand Oaks and New Delhi. Vol. 10(1). P. 35–57
- Rossi, P.H., Freeman, H.E. (1993). *Evaluation: A systematic approach*. P. 11-13.
- The Human Development Report Office*. (2020). <http://hdr.undp.org/en/contacts/about>
- Youth Progress Index (2017)*. <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/gx-yqi-report-2018.pdf>
- Youth Progress Index (2020)*. <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/youth-progress-index.html>
- Андреев, А.Л., Лашук, И.В. (2019). Студенческая молодёжь России и Белоруссии: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации. Часть 1. *Социологическая наука и социальная практика*. № 1(25). С. 72-82.
- Большакова, Ю.М. (2018). Эффективность государственного управления и региональных институтов власти в оценках населения. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. Том 24. 3. С. 150-168.
- Калиев, Т.Б., Ашимханова, Д.Э. (2018). Ценностные и трудовые установки в жизненных планах современной молодежи Казахстана. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. №2 (50). С. 82-87.
- Коваленко, Е.А. (2009). *Эффективность государственных адресных социальных программ*. дис. канд. социологич. наук: 22.00.08. 227 с.
- Кожанов, Е., Сыздыкова, Д., Жагалбаева, М. (2020). *Онлайн опрос казахстанцев: коронавирус в Казахстане*. <http://marketingcenter.kz/20/opros-covid-19-kazakhstan.html>.
- Лобанов, Н.Н. (2008). *Эффективность социальных программ как фактор доверия населения к органам*

- власти. дис. канд. социол. наук. М. 183 с.
- Молодёжный активизм = общественная польза. (2020). <https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775>.
- Нарбут, Н.П., Троцук, И.В. (2018). Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1). *Вестник РУДН. Серия: Социология*. Том 18. 1. С. 131-155.
- Названы волнующие казахстанскую молодежь ключевые проблемы. (2019). https://www.inform.kz/ru/nazvany-volnuyuschie-kazahstanskuyu-molodezh-klyuchevye-problemy_a3500786
- О чем тревоги и мечты: чем живет молодежь Казахстана. (2020) - <https://ia-centr.ru/experts/anna-danilovskaya/o-chem-trevogi-i-mechty-chem-zhivet-molodezh-kazahstana/>
- Фальковская, К.И. (2004). *Влияние органов по делам молодежи на эффективность социальной работы с молодежью*. автореф. дис. канд. социологич. наук: 22.00.08. М., 16 с.
- Формирование тревог и страхов среди молодежи под влиянием пандемии и кризиса. (2020). https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-10-27_doklad.pdf.
- Чем живёт сегодня молодёжь Казахстана (2020). https://forbes.kz/stats/chem_zhivet_segodnya_molodej_kazahstana.

REFERENCES

- Aiello, H.S. (1988). Assessment of a mentor program on self-concept and achievement variables of middle school underachievers. Doctoral dissertation, Virginia Polytechnic Institute and State University. *Dissertation Abstracts International*, № 49(07).
- Dendena, B., Corsi S. (2015). The Environmental and Social Impact Assessment: a further step towards an integrated assessment process. *Journal of Cleaner Production*. №108. P. 965–966;
- Indicators of a (National) Youth Policy (2020). https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/CoE_indicators.pdf
- Global Youth Development Index (2020). <http://youthdevelopmentindex.org/>
- Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs (2020). https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_737648.pdf
- Global Employment Trends for Youth 2020: Europe and Central Asia (2020). https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_737674.pdf
- Kirkhart, K.E. (2000). Reconceptualizing Evaluation Use. *An integrated theory of influence*, 88, P. 5-23.
- Leviton, L. C., Hughes, F. X. (1981) *Research on the utilization of evaluations: A review and synthesis*. Kluwer Academic Publishers, P. 525-548.
- Mark, M.M., Henry, G.T. (2004). *The Mechanisms and Outcomes of Evaluation Influence*. SAGE Publications, London, Thousand Oaks and New Delhi. Vol. 10(1). P. 35–57
- Rossi, P.H., Freeman, H.E. (1993). *Evaluation: A systematic approach*. P. 11-13.
- The Human Development Report Office. (2020). <http://hdr.undp.org/en/contacts/about>
- Youth Progress Index (2017). <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/gx-yqi-report-2018.pdf>
- Youth Progress Index (2020). <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/youth-progress-index.html>
- Andreev, A.L., Lashuk, I.V. (2019). Studencheskaya molodezh' Rossii i Belorussii: kartiny mira, tsennostnye ustanovki, strategii samorealizatsii. Chast' 1 [Student youth of Russia and Belarus: world views, values, strategies for self-realization. Part 1]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]*. № 1(25). S. 72-82. (in Russian).
- Bol'shakova, Yu.M. (2018). Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya i regional'nykh institutov vlasti v otsenkakh naseleniya [The effectiveness of public administration and regional institutions of power in the assessments of the population]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]*. Том 24. 3. S. 150-168. (in Russian).
- Kaliev, T.B., Ashimkhanova, D.E. (2018). Tsennostnye i trudovye ustanovki v zhiznennykh planakh sovremennoi molodezhi Kazakhstana [Values and work attitudes in the life plans of modern youth in Kazakhstan]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]*. №2 (50). S. 82-87. (in Russian).
- Kovalenko, E.A. (2009). *Effektivnost' gosudarstvennykh adresnykh sotsial'nykh programm*. дис. канд. сotsiologich. nauk: 22.00.08 [The effectiveness of state targeted social programs. дис. Cand. sociological. Sciences: 22.00.08]. 227 с. (in Russian).
- Kozhanov, E., Syzdykova, D., Zhagalbaeva, M. (2020). *Onlain opros kazakhstantsev: koronavirus v Kazakhstane [Online survey of Kazakhstanis: coronavirus in Kazakhstan]*. <http://marketingcenter.kz/20/opros-covid-19-kazakhstan.html>. (in Russian).
- Lobanov, N.N. (2008). *Effektivnost' sotsial'nykh programm kak faktor doveriya naseleniya k organam vlasti. дис. канд. sotsiol. Nauk [The effectiveness of social programs as a factor of public confidence in the authorities: дис. ... Cand. sociol. Sciences]*. М. 183 с. (in Russian).
- Molodezhnyi aktivizm = obshchestvennaya pol'za [Youth Activism = Public Benefit]. (2020). <https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775>. (in Russian).
- Narbut, N.P., Trotsuk, I.V. (2018). Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitel'nyi analiz tsennostnykh orientatsii (chast' 1) [Social well-being of young people in post-socialist countries (on the example of Russia, Kazakhstan and the Czech Republic): a comparative analysis of value orientations (part 1)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [Bulletin of RUDN]*.

- Series: *Sociology*]. Tom 18. 1. S. 131-155. (in Russian).
- Nazvany volnuyushchie kazakhstanskuyu molodezh' klyuchevye problem [Key issues of concern to Kazakhstani youth are named].* (2019). https://www.inform.kz/ru/nazvany-volnuyuschie-kazahstanskuyu-molodezh-klyuchevye-problemy_a3500786. (in Russian).
- O chem trevogi i mechty: chem zhivet molodezh' Kazakhstana [What worries and dreams are about: how the youth of Kazakhstan live].* (2020) - <https://ia-centr.ru/experts/anna-danilovskaya/o-chem-trevogi-i-mechty-chem-zhivet-molodezh-kazakhstana/>. (in Russian).
- Fal'kovskaya, K.I. (2004). *Vliyaniye organov po delam molodezhi na effektivnost' sotsial'noi raboty s molodezh'yu. avtoref. dis. kand. sotsiologich. nauk: 22.00.08 [Influence of bodies on youth affairs on the effectiveness of social work with youth: abstract of Ph.D. dis. Cand. sociological. Sciences: 22.00.08].* M., 16 s. (in Russian).
- Formirovaniye trevog i strakhov sredi molodezhi pod vliyaniem pandemii i krizisa [Formation of anxieties and fears among young people under the influence of the pandemic and the crisis].* (2020). https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-10-27_doklad.pdf. (in Russian).
- Chem zhivet segodnya molodezh' Kazakhstana [What worries and dreams are about: how the youth of Kazakhstan live].* (2020). https://forbes.kz/stats/chem_zhivet_segodnya_molodej_kazakhstana. (in Russian).

ЖАСТАР САЯСАТЫ БАҒДАРЛАМАСЫН БАСҚАРУ

Динара ДЖАКУПОВА, 2 курс докторанты, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан Республикасы, dinara_jakupova@mail.ru

YOUTH POLICY PROGRAM MANAGEMENT

Dinara JAKUPOVA, 2nd year doctoral student, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Republic of Kazakhstan, dinara_jakupova@mail.ru